

ИЛЬЯ АШМАЕВ

ТЁМНЫЙ СВЕТ

СНЫ О ЧЁМ-ТО БОЛЬШЕМ...

Илья Ашмаев

**Тёмный свет. Сны
о чём-то большем...**

«Издательские решения»

Ашмаев И.

Тёмный свет. Сны о чём-то большем... / И. Ашмаев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749368-4

В этой книге удивительным образом переплелось несколько литературных жанров: приключения, мистика, фантастика, философия и любовный роман. Главные герои произведения переживают серьёзные духовные трансформации, преодолевая созданные ими самими преграды и становясь счастливыми и свободными людьми. Демон и ангел, бомж и алкоголик, душевнобольной и самоубийца, студент и игрок, а также семь необузданных женщин — вот эти герои, скорее следуйте за ними, и вы никогда не пожалеете о потерянном времени!

ISBN 978-5-44-749368-4

© Ашмаев И.
© Издательские решения

Содержание

От Автора	6
Глава 1. Пробуждение	7
Глава 2. Первая страница	8
Глава 3. Наводнение	10
Глава 4. Появление	12
Глава 5. Дневник	14
Глава 6. Эпидемия	15
Глава 7. Мама и дочка	17
Глава 8. Больница	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Тёмный свет Сны о чём-то большем...

Илья Ашмаев

© Илья Ашмаев, 2017

ISBN 978-5-4474-9368-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От Автора

*Любовь и ненависть, отчаяние и вера,
Добро и зло, духовность и порок —
Всё в людях спрятано, но неизвестна мера,
Неведом путь и не отпущен срок.*

О чём я написал в этой книге для вас, дорогие читатели? Каждый возьмёт из неё что-то своё, то, в чём больше всего нуждается на сегодняшний момент. Кого-то привлечёт линия любви, таинственным образом объединившая пути демона и ангела; кому-то станет близкой удивительная судьба других героев, смело решившихся на отчаянные поступки; кого-то затянет водоворот мудрых или безумных откровений; кому-то понравится сам сюжет, его хитро-сплетения, завязка и развязка... Предугадать мне ваш выбор невозможно так же, как и вам нельзя предвидеть все те загадочные события, которые разворачиваются в этом романе.

О чём я написал в этой книге для себя? О том, о чём мне ещё только предстоит узнать. Каждый из нас сталкивается в этом мире только с одной загадкой, которую решает всю свою сознательную жизнь. Я готов помочь и вам, и себе в открытии этой главной тайны — тайны самого себя. Роман «Тёмный свет. Сны о чём-то большем...» поможет всем ближе познать то существо, которое скрывается в каждом из нас. Оно любит и ненавидит, оно доброе и злое, оно отчаялось, но верит.

Глава 1. Пробуждение

Я открыл глаза и пролежал так несколько минут в глубокой прострации. В тот момент мне казалось, что спать я больше не буду никогда в жизни. Все события, развернувшиеся передо мной за последние несколько ночей, плотным кольцом окружили голову и не давали проснуться окончательно.

Через час пассивного созерцания свисающего с потолка лоскута штукатурки я наконец смог окончательно вернуться в эту реальность. Не спеша заварил кофе, постоял с горячей кружкой у запотевающего окна и наконец сел за свой стол. Передо мной лежал Дневник. В этом Дневнике было всё, с самого начала, и не хватало только одной последней записи. Но прежде, чем её сделать, я открыл первую страницу и уже не смог остановиться.

Глава 2. Первая страница

За окном лил безжалостный в своей неотвратимости осенний дождь. Я не люблю этот мокрый, шумный и неприятный вид осадков. Я больше люблю снег, он ассоциируется у меня с праздником, солнцем и весельем. А дождь – это хмурое и тучное небо, скомканные прохожие, шмыгающие разбухшие ботинки, грязная прихожая и... одиночество. Я никогда не чувствую себя одиноким, ибо умному и начитанному человеку наедине с собой скучно не бывает, но только не в тот мучительный момент, когда идёт осенний дождь. Тогда этот «умный человек» почему-то становится страшным занудой, я перестаю с ним разговаривать, он кутается в свой страшный огромный свитер и достаёт бутылку красного вина из серванта. Он пьёт и смотрит в это ужасное окно в своей комнате... Краска на раме облезла, стёкла и замазка потрескались, законопаченные щели оклеены рваными полосками ткани, а по ту сторону окна идёт противная изморось. Но ничего не поделаешь – эта рама как магнит во время ненастья притягивает к себе одинокую душу и не отпускает до последнего вздоха. Когда вздохи заканчиваются, одинокая душа, залитая сухим вином, обычно закрывает глаза и уносится на карусели в далёкие дали.

Так произошло и вчера. Я постоял на кухне в напрасном ожидании услышать хоть одно внятное слово от своего внутреннего собеседника и, не дождавшись, взял из старого серванта вино, бокал и направился в свою комнату. Диван, на котором я сплю, стоит у самого окна и на нём удобно сидеть, облокотившись о подоконник и стену, наблюдая сквозь размытое отражение в стекле беспомощных прохожих. Они причудливо стараются перепрыгивать бесконечные лужи, промахиваются и с плеском окунают свои ноги в грязную жижу. Весело...

Сидя с бокалом, который мой внутренний собеседник время от времени злорадно пополнял, я постепенно стал терять контроль над реальностью и начал кивать подбородком. Несколько раз я перебарывал подступающий сон, но в конце концов отступил, поставил бокал рядом с бутылкой на обшарпанный подоконник и слегка прислонил голову к стене. Тёплая батарея, красное вино и однообразный шум ливня располагали к уютному и беззаботному отчаливанию в сладкое беспамятство, и тогда я ещё не предполагал, что утром буду лежать с широко открытыми глазами и в недоумении пытаться осознаться в старом мире.

Я никогда не думал, что подобное может произойти со мной. Я читал о таких вещах и даже верил, что это в принципе возможно, что это не ложь и не выдумки. Но здесь, как и в телевизионном розыгрыше лотереи – ты видишь прыгающего от счастья везунчика и понимаешь, что тебе так никогда не повезёт. Не для тебя все эти праздники жизни, ты просто обыкновенная серая мышь, с которой не может произойти ничего удивительного. И вся эта индейская или буддистская магия с её астралами и осознанными сновидениями – всё это где-то в другой реальности, о которой ты можешь узнать у телевизора или прочитать в книге, но никогда не сможешь непосредственно сам в ней оказаться...

Закрыв глаза, я сквозь шум крови в барабанных перепонках продолжал слышать бьющиеся об оцинковку отлива капли дождя. Казалось, сон уже пришёл, но как-то не до конца... Я наблюдал возникающие передо мной размытые образы и пейзажи, это были какие-то вспышки таинственной реальности, другого сознания, проникающие сквозь ослабленную защиту в мой мир, но быстро угасающие и сменяющиеся новыми появлениями. Какие-то горы, затем равнины, деревья, потом дома, лица... Всё это было как на фотографиях, надолго опущенных в проявитель, когда из пустоты возникает изображение, а потом заволакивается туманом и исчезает в темноте. Только происходило это гораздо быстрее, ни один кадр не задерживался больше секунды. Я стал пытаться остановить эту беспорядочную смену фрагментов неведанного мира перед свои взором и вскоре меня постигла удача. Тогда я понял, что это никакие не фотографии. Изображения двигались! Деревья шелестели листвой под порывами ветра,

люди ходили, поворачивались и разговаривали. Слышались обрывки фраз, но я никак не мог понять их, как будто слоги были переставлены местами... Через мгновение раздался раскат грома, ливень за окном обрушился сплошным потоком и мои глаза открылись. Я висел высоко в воздухе над покосившимися деревянными домами, за которыми виднелся густой тёмный лес, справа возвышался высокий холм с церковными куполами, а в небе сверкали молнии и освещали то, как...

Глава 3. Наводнение

...вода поднималась из берегов реки и ещё некоторое время обходила дома и переулки, с ухмылкой оглядываясь на предстоящую поживу. Затем постепенно, с толком и расстановкой, словно смакуя, стала затапливать деревенские дворы. Связь с внешним миром была практически потеряна, поскольку просевшие в размытой почве телеграфные столбы покосились и оборвали провода. Когда вода, подняв на свою поверхность всевозможную утварь, мусор, палки, помои и другие продукты человеческой жизнедеятельности стала сочиться под двери и проникать в дома, пришлось подняться с печи даже самым ленивым и безучастным жителям деревни.

Печальной вереницей потянулись вверх по склону холма груженные нехитрым скарбом телеги, и промоклие насквозь люди то сидели на них понуро, поправляя нависший груз, то брели рядом, держа под уздцы трясущих тяжёлыми гривами лошадей. Только шумливые собаки весело рассекали своими гордыми телами бесконечные потоки воды и лай их придавал этой мрачной картине хоть какие-то признаки не загробной жизни. Они бегали взад и вперёд вдоль тоскливой процессии, надёжно осуществляя свою благородную миссию – мешали сердитым беженцам выталкивать застрявшие повозки из грязного месива.

На вершине холма стояли стены старого монастырского подворья, местами порушенные временем, местами имевшие следы скудного ремонта. От помещений остались зияющие оконными пустотами, дверными проёмами и провалившимися кровлями жалкие останки. Храм на территории монастыря имел куда более презентабельный вид, поскольку поддерживался местными жителями и проезжими меценатами. Батюшка был человеком мастеровым, многие работы выполнял сам, но и от посильной помощи не отказывался. При этом он сам же изготавливал нехитрые церковные атрибуты и торговал ими в ближайшем городе на рынке.

Сквозь шум ниспадающей пелены дождя и отзвуки барабанной дробы по дырявым жестяным крышам подворья слышны были крики суетливых крестьян, натужное мычание коров и кудахтанье возмущённых кур. Основное количество нажитого добра свалили под покровом обветшалых строений, сами же люди собрались в храме, где было сухо и тепло. Расположились кто на скамейках, кто прямо на полу, в тесноте, да не в обиде. Тихие пересуды не отличались большим разнообразием и носили чаще вынужденный характер – больше отвлечь себя было нечем. Слышны были редкие молитвы и жалостливые причитания. На бегавших время от времени детишек тут же цыкали, хватали их и стыдили – церковь же! Деревня была небольшая и все вокруг друг друга знали.

К вечеру собрались последние беженцы. Скромно и с позволения батюшки перекусив, устроились поудобнее, кто как мог, и отошли ко сну.

В час ночи раздался невообразимый грохот, будто разверзлись небеса и ниспослали на землю проклятие за всю историю человеческих грехов. Сильный удар сотряс всю округу и непонятно было, сошёл ли он с небес или раздался из-под земли. Огромный столб пламени озарил церковный холм, в храме стало светло, как днём, полетели стёкла и витражи, посыпалась штукатурка, что-то зазвенело и рухнуло. Вскочившие в ужасе люди не знали, куда деваться, натыкались друг на друга, падали, поднимались, и снова падали. Дощатый пол ходил ходуном и дрожал под ногами. В церковь ударил разряд молнии, стены ее содрогнулись, но выдержали, внутрь ворвался шквал ветра, превратился в маленький смерч посреди зала, но через несколько мгновений затих и исчез. Вместе с ним стихло и вокруг.

Люди зажгли свечи, осветившие дрожащим пламенем перепуганные лица. После недолгих переговоров о том, что же это могло быть, они успокоились, видимо сказались сильная усталость, и снова улеглись. Заснули быстро.

Разбудил жителей деревни громогласный петушинный хор и яркие солнечные лучи, проникшие через разбитые окна ночного убежища. Постепенно люди пришли к осознанию того,

что прекратился этот опостылевший за долгие дни и ночи непрерывный гул в ушах. Ливень, этот нескончаемый небесный потоп, наконец-то закончился! Вскоре наполненные радостью лица показались в раскрытых настежь дверях храма и высыпали во двор. Весело жмурясь на солнце и обнимаясь, люди стали осматриваться по сторонам и тут их взору предстала новая неожиданная картина. Возле покосившихся ворот монастырского подворья образовалась расщелина, огромный котлован, поглотивший в себя старый сарай с запертыми там накануне козами и коровами. Дна этому провалу видно не было, и звуков из него не доносилось никаких... Весь домашний скот канул в зияющую пустоту бесследно, словно послужил символическим жертвоприношением за наступивший покой. В недоумении стояли люди перед обрывом, но разводить руками было бестолковым занятием, и, повздыхав, они обратили свой взор вниз, на деревню. От наводнения не осталось и следа, вся вода ушла в неизвестном направлении, оставив после себя только грязь и беспорядок. Увидев это, жители деревни несказанно обрадовались, забыли про ночное происшествие и начали собираться домой. Делами и заботами многодневное ненастье их обеспечило надолго, и тужить-горевать было просто некогда.

Глава 4. Появление

Это была боль. Настоящая человеческая боль... Тысячи игл одновременно вонзались в его костные и мышечные ткани, причиняя неимоверное страдание физическому телу. Нервная дрожь начала передаваться от сустава к суставу, в какой-то миг сердце даже сжалось в судороге и, казалось, больше не разожмётся. В висках запульсировали вздутые прожилки кровеносных сосудов, готовые взорваться всплеском алых брызг. Из лёгких через сжатую гортань еле вырвался хриплый надрывный крик: «Ха-а-а!» – и сердце снова забилось. Жадно заглотив воздух, человек расправил плечи и медленно, шатаясь, поднялся с колен. Посмотрев наверх, он увидел лишь маленький разорванный кусок закатного неба, вокруг же него была лишь тьма. Человек осознал, где находится, и, склонив мокрую голову, бесшумно засмеялся. Чрево... Этот котлован напомнил ему о чреве матери, из которого появляется на свет ребёнок. Через секунду он уже смеялся громко, открыто, высоко задрав голову и глядя вверх расщелины. Закончив веселье, человек, абсолютно голый, выпачканный землёй, подобрался к краю ямы и, перебирая руками и ногами, скатываясь, стал забираться наверх.

Когда все беженцы покинули монастырское подворье, батюшка, вздыхая, принялся восстанавливать последствия ночного погрома в храме. Вытащил битые стёкла, кое-где вставил новые, поправил рамы, прибрал попадавшие на пол осколки штукатурки и кирпичей. К тому времени начало и темнеть. Решив перед отходом ко сну поправить алтарь, священник взял в подсобке молоток и коробку с гвоздями. Длинные седые волосы он скрепил сзади резинкой, чтобы не мешали, закатал рукава старой фланелевой рубашки, раскрашенной красными и синими цветами, и принялся за дело. Когда он опустил на пол в поисках обретенного гвоздя, то неожиданно услышал скрип в стороне главного входа в церковь. Попытавшись разогнуться и встать, батюшка с гримасой боли схватился за поясницу – старый радикулит он хронично так и не вылечил, а аптечные лекарства не признавал. Скорчившись на полу, он слушал, как прогибаются половицы под чьими-то тяжёлыми шагами – кто-то направлялся через неф к хору.

– Кто здесь? – хрипло задал батюшка вопрос в пустоту, но пустота не ответила.

Шаги не прекратились. Обогнув алтарь, они направились в глубину восточной части храма, и пока священник молча страдал от своего бессилия что-либо предпринять, стихли. Тяжко вздохнув, старик предпринял очередную героическую попытку, и она закончилась успехом. Разогнувшись, батюшка подождал, оперевшись на алтарь, пока разойдутся тёмные круги перед глазами, и посмотрел по сторонам. Никого не было. Тогда он медленно повернулся назад, чтобы спуститься в зал, и тут же застыл, как вкопанный.

Страх. Этот страх священник помнил с детства. Тогда в острой лихорадке, вызванной инфекционным заболеванием, он просыпался после ночного бреда, а перед его открытыми глазами всё ещё стояла тёмная бездна. И вот, спустя многие годы, он опять смотрел в эту бездну. Она останавливала течение реальности и заполняла её лишь одним осознанием – осознанием смерти. Вдаль в бесконечность уносились пустые житейские хлопоты и человек оставался один на один с Истиной, пугающей своей безысходностью и неотвратимостью. Один на один со Смертью. Только в этот момент он понимал всю ничтожность своего бренного существования в сравнении с Вечностью и Пустотой.

Холод проник через ноги священника, пробежал по всему его телу, сковал руки и шею. Старик неотрывно смотрел в пустые глаза незнакомца, так и застыв на полуобороте.

– Ты знаешь, кто я? – спросил высокий худощавый человек перед ним, на голое тело которого была накинута чёрная ряса.

Батюшка знал. Но поскольку он всё ещё не мог пошевелиться, слегка кивнул головой и моргнул глазами вместо утвердительного ответа.

– Тогда тебе суждено умереть. Мне не нужны свидетели.

– Что... что ты делаешь здесь? – наконец смог произнести церковник, вздохнув. – Зачем ты пришёл к нам, демон? Чем заслужили мы это?

– Не думай, что я рад своему появлению, – ответил незнакомец, не меняя строгой и спокойной интонации, – но мне не о чем больше с тобой разговаривать. Ступай к своему Богу.

С этими словами непрошенный гость положил правую руку на плечо священника. Батюшка сумел судорожно сунуть руку в карман штанов и достать оттуда маленькое распятие на серебряной цепочке, но тут же дрожащие пальцы выронили его на пол. Демон не обратил на это никакого внимания, на ладони его блеснул золотом большой перстень с головой орла, лёгкий электрический разряд пробежал через всё тело батюшки и ушёл в землю. Старик обмяк, не вымолвив ни слова, и рухнул на пол. Больше он не пошевелился, успев мысленно проститься с этим миром и попросить у Создателя прощения.

Незнакомец взял керосиновую лампу возле алтаря, плеснул из неё на пол и поджёг место преступления. Ярко вспыхнув, пламя быстро захватило в свои объятья всю церковь. Посетитель, взяв найденную ранее мирскую одежду, вышел наружу и встал поодаль, чтобы понаблюдать красивое в своей трагичности и ночном небе зрелище.

Жители деревни с недоумением смотрели на полыхающий на вершине холма храм, ещё недавно послуживший им пристанищем от безжалостной стихии. Не видели они лишь тёмную фигуру человека, мрачно озаряемую языками пламени, поскольку тот был от них далеко. Церковь ещё догорала в предрассветный час, когда таинственный незнакомец начал свой путь по склону холма вниз в деревню, к тем людям, с которых ему предстояло начать своё длительное путешествие, вызывающее у него злость, неприятие и желание скорейшего завершения.

Глава 5. Дневник

Это были первые эпизоды книги, которую я перечитывал, не в силах оторвать свой взгляд от Дневника. Всё, что я описывал в своём произведении, я наблюдал как зритель кинотеатра, то изучая происходящее со стороны, то внезапно оказываясь в гуще событий среди людей. На короткие мгновения я даже становился одним из них, поселяясь внутри и переживая его эмоции, в мгновение ока узнавая его прошлое и постигая его восприятие, но при этом не мог никак влиять на окружающие события. Как только я пытался осознать себя в новом теле, я тут же уносился вверх и продолжал наблюдать за событиями «из зрительного зала».

И вроде это был сон, яркий и захватывающий, продолжающийся день за днём с того места, где закончился накануне, но в то же время я осознавал, что сплю, и могу проснуться в любой момент, если захочу. В первое же утро после пробуждения я в спешке схватил лист бумаги и записал свой сон обрывками, боясь потерять драгоценные воспоминания. Но спустя несколько часов я понял, что сон от меня никуда не уходит и я помню каждую его деталь. После того, как сон получил своё продолжение на следующий день, я по пути с работы зашёл в магазин и купил большую толстую тетрадь. Я написал на обложке «Дневник» и уже не спеша, оценивая каждую строчку, стал переводить всё, что увидел и ощутил в своём ночном путешествии, на бумагу. Получалось что-то вроде литературного произведения, но при этом я не имел никакого его плана, фабулы, развития. Я не представлял себе, что произойдёт в следующей главе, как повернётся сюжет, в какое место перенесёт меня во сне и в какой миг я неожиданно открою глаза и увижу пыльный белый потолок в своей комнате. Но я твёрдо был уверен в том, что кто-то намеренно знакомит меня таким способом с невероятными событиями по ту сторону реальности, и вот он то знает всё наперёд и имеет чёткий план на каждую ночь. Мне, как автору, остаётся лишь плыть по волнам созерцания и описывать произошедшее в том мире с помощью чернил и бумаги в этом Дневнике.

Глава 6. Эпидемия

Вот уже три месяца прошло с того момента, как город накрыл странный утренний туман, принёсший с собой тяжкую и неизвестную до сих пор инфекцию. Люди покрывались язвами, затем густая растительность поглощала тела заражённых, они теряли самообладание и превращались в полоумных зверей. Это не было каким-то зомби-апокалипсисом, поскольку больные не разрывали людей на части и не пили человеческую кровь. Но нападения происходили, поскольку психика у заболевших была нарушена и они не всегда отдавали отчёт своим действиям. Медленно, час за часом, день за днём они превращались в диких животных. Вслед за этим город настигли и другие заболевания, его окружили плотным военным заслоном и пропускать внутрь только автомобили с медицинским персоналом. На территории было организовано несколько палаточных лагерей для обследования и лечения, поскольку больницы с потоком заражённых уже не справлялись. Также был оборудован отдельный лагерь на территории городской тюрьмы – там содержали уже мутировавших полу-людей. Однако большинство из них свободно перемещалось по городу в вечернее и ночное время, и выловить их всех было просто невозможно, поскольку днём они прятались в забаррикадированных домах и квартирах. Желających наняться в город патрульными волонтёров не было, военный контингент тоже был ограничен, да в химзащите особо за «зомби» и не побегаешь. Поэтому все ждали мифическую вакцину, которую якобы изобретали в научных лабораториях, а по сути просто ждали, когда инфекция остановится сама. Пусть даже при этом придётся пожертвовать целым городом – ведь речь шла о государственной безопасности...

На восточной стороне улицы темноту ночи нарушал танцующий свет керосиновой лампы на третьем этаже обветшавшего здания. Так и тянуло заглянуть туда поближе... чтобы увидеть склоненную женскую голову над уютной детской кроваткой. Под стеганным жёлтым одеялом лежала белокурая пятилетняя девочка, спящим дыханием из едва приоткрытых губ согревавшая унесенную в сонное беспамятство маму.

Мама девочки держалась из последних сил, но старалась не подавать виду. Каждое ее утро начиналось в последнее время одинаково – она чутко просыпалась от потягивания очнувшегося от детских сновидений ребенка, целовала его в розовый лобик и одаривала доброй улыбкой.

- Сегодня будет замечательный день!
- Все снова будут здоровы?!
- Да! Сегодня – точно!
- Но ты так всегда говоришь... а они все равно болеют...
- Сегодня – точно.

Девочку звали Полиной, и она верила своей маме. Каждое утро.

Мама готовила ребенку быстрый завтрак – кукурузные хлопья с оставшимся с вечера холодным молоком, и начинала собираться на улицу. Она снимала легкое полупальто, длинную шерстяную юбку, надевала тёплые ватные штаны, вязанный свитер, телогрейку, обвязывала голову шалью, совала изможденные ноги с толстыми носками в кирзовые сапоги и натягивала на худые руки зимние варежки. Была ещё ранняя осень, но на улице стоял неприятный и прохладный сырой туман, который проникал в неотапливаемые дома и заставлял население города даже в квартирах одеваться теплее. Облачившись во все свои рыцарские доспехи, мама вставала по стойке смирно и с широкой улыбкой отдавала воинское приветствие своей дочке, всё это время с иронией наблюдавшей за ежедневным семейным ритуалом.

- Ты вернешься, мама?!
- Обязательно, дочка!

И Полина давала разрешение маме глубоким кивком головы. Девушка брала в углу комнаты у входной двери пожарный багор с длинной красной ручкой и открывала железный запор. Её дочь вскакивала с кровати, и после ухода матери тут же аккуратно вставала на табуретку и с трудом двумя руками вставляла запор на место. Наступал новый день.

Глава 7. Мама и дочка

Мама не говорила Полине главное – она сама была больна. Боли становились всё сильнее и нестерпимее, кожу разъедали язвы, всё чаще мутнело в голове. Девушка часто стояла вечером у окна и наблюдала внизу шатающиеся в беспамятстве тени. Её охватывал ужас от мысли, что она сама скоро превратится в животное, но самым страшным было не это... Полина! Что станет с её дочерью, когда наступит этот переломный момент – её мама перестанет осознавать окружающее? Как только первые язвы стали покрывать женское тело, девушка стала напряжённо думать, кому передать ребёнка. Она сделала несколько попыток.

Имея медицинское образование, девушка ещё до эпидемии долгое время подрабатывала, ухаживая за пожилой семьёй в соседнем квартале, сравнительно недалеко от дома. Делала уколы, измеряла давление, покупала лекарства, даже ходила в магазин за продуктами и готовила еду. Семья была очень доброй и с ней установились тёплые, даже дружеские отношения. Девушка приводила к ним свою дочь и они общались с ней как со своей внучкой, одаряя светлыми улыбками и заботой. В какой-то момент мама Полины вспомнила об этой семье и у неё сложился определённый план. Она взяла дочку и пришла к ним в дом, собрав все моральные и психические силы, держала себя бодро, разговаривала громко и постоянно улыбалась. Её якобы направляли в загородный лагерь, где срочно требовались в смену медицинские работники, но брать с собой Полину было нельзя – она могла заразиться, да и вид переполненных больничных палаток мог сказаться удручающе на её впечатлительном детском сознании. Требовалось переждать пару недель, девушку бы сменила другая медсестра, и тогда она забрала бы дочку к себе. Старики долго и безмолвно стояли в дверях, глядя то на девочку, то друг на друга, и их молчание тогда впервые заскреблось кошками на душе у мамы. Но пожилая семья согласилась и отступать уже было некуда. Передав супругам вещи и деньги, девушка поцеловала дочку и, не оборачиваясь, спешной походкой покинула двор их дома. Она шла в пустоту, не соображая дороги, и очнулась только где-то на краю города возле железнодорожных путей. Поезда ходили редко, и мама Полины в беспомощности села на рельсы, опустив голову на колени. Она долго плакала, вспоминая свою «бестолковую» юность, когда ежедневные попойки мужа заставили её выгнать того из дома и подать на развод. Вспоминала она и ухаживавшего за ней потом одноклассника, приносившего Полине конфеты и уговаривавшего её маму бросить этот злополучный город и уехать с ним в областной центр. Отказала. Гордая была – ведь когда то она любила его в школьные годы, но он не обращал на девушку никакого внимания, гулял с другими, чем поселил в молодой душе всходы ненависти. Теперь она была согласна на всё, но было уже недостижимо поздно...

Слёзы матери прервал паровозный гудок. Невесть откуда взявшийся локомотив с несколькими вагонами угля стремительно приближался к сидящей на рельсах девушке. Она закрыла глаза. У неё не было никакого желания встать с этих рельсов. Сжавшись в комок, мама опрокинулась на шпалы, а закрытую руками голову прислонила к холодному металлу. Она отбросила всякие мысли, но образ Полины настойчиво всплыл перед ней с большими, широко раскрытыми от удивления глазами. Когда девушка невольно всмотрелась в эти глаза, её пронзил холодный ужас. В них отражался бешеный оскал больной старухи и блеснул кровавый нож в руке добродушного когда-то и безобидного старика. Пулей сорвавшись с рельс, мама бросилась назад, к дому, где только что оставила свою дочь.

Входная дверь была открыта настежь. Ворвавшись в квартиру, девушка застыла в шоке. На полу посреди коридора лежала в собственной крови, раскинув в стороны поросшие шерстью руки и ноги, пожилая хозяйка квартиры, а за ней, беспомощно облокотившись на стену, сидел её старик. В правой руке он всё ещё держал почти выпавший нож со следами крови, его

дрожащая от шока голова смотрела прямо на девушку, а губы еле слышно шептали: «Уходите отсюда...»

– Полина! – надрывно выкрикнула мама, дочка выскочила из тумбочки возле двери и бросилась к её ногам. Схватив девочку, мать опрометью выскочила на улицу и дала себе слово больше никогда не оставлять ребёнка, чтобы с ней самой не произошло.

Однако, вскоре девушка нарушила своё слово. Когда руки стали покрываться первыми островками шерстяного покрова, она предприняла ещё одну попытку.

Отделение милиции в тот день было переполнено. Впрочем, такую картину можно было наблюдать почти каждый день – с тех пор, как город настигла трагедия, люди не только включились в борьбу за выживание, но и старались воспользоваться сложившейся ситуацией себе в угоду. Мародёры и грабители переполняли камеры предварительного заключения и СИЗО, для них были выделены отдельные кабинеты с решётками и даже подсобные помещения. По коридорам отделения сновали взад и вперёд сотрудники и потерпевшие, привнося суету и нервозность. У начальника голова шла кругом, везде нужно было успеть и во всё вникнуть, при этом работал он без выходных и практически круглосуточно. Порою сообщения об удачных попытках самоубийства в различных частях города вызывали в нём скрытое чувство зависти: «Отмучились...». Его заместитель, молодой лейтенант, видел всю тяжесть свалившегося на шефа груза и принимал самое активное участие в разрешении возникающих конфликтов и проблем. Знал он и о тяжёлом семейном положении майора, от которого жена ушла на днях вместе с ребёнком, не выдержав отсутствия дома мужа целыми сутками.

Каждый день в отделении был похож на предыдущий, и порою начальник с подчинённым долго и в растерянности смотрели друг на друга, силясь вспомнить текущий день недели. Так и в то хмурое утро майор справился у своего заместителя о сегодняшней дате, сорвал два листка отрывного календаря со стены, и набросал план работы на день. План этот всё равно не соблюдался, так как ежедневно возникало много оперативной работы, приходилось самому выезжать на места преступлений, но изменить себе начальник отделения не мог.

Выйдя по делам в коридор, он боковым зрением ощутил среди рыскающих посетителей одиноко стоящую у окна фигуру девушки. Бросив взгляд на неё через плечо, он увидел ребёнка на руках, девочку, но тут его отвлек вопросом сотрудник милиции. Зайдя по пути к своему заместителю, майор рассказал ему о маме с дочкой, и попросил отвести их к нему в кабинет, «чтоб не затоптали». Лейтенант проявил участие и выполнил просьбу майора. Уже в кабинете он спросил молодую маму: «Вы по какому вопросу, девушка?», на что та скороговоркой выпалила, что пусть он идёт, а она подождёт начальника, и заместитель пошёл по своим делам. Начальник действительно заглянул в кабинет через пять минут, но обнаружил в нём лишь одинокую маленькую девочку в розовом комбинезоне. Удивлённо окинув глазами коридор, он крикнул лейтенанта, тот подошёл и тоже в недоумении уставился на ребёнка. «А где твоя мама?» – спросил заместитель, на что та довольно внятно и громко ответила: «Она ушла, и просила вас позаботиться обо мне!»

Майор пулей вылетел на улицу. Ни слева, ни справа женскую фигуру он не увидел, и потому бросился к первому попавшемуся прохожему:

– Девушку молодую не видели? Из отделения вышла только что!

– Нет, не видел. Ой, постойте, – окликнул он рванувшегося в сторону начальника отделения. – Вспомнил, издали видел, когда подходил сюда, вон за тот угол сворачивала! У неё ещё шаль на голове была.

«Она!» – сказал про себя майор и бросился вдогонку. Повернув за угол, он увидел спешащую к набережной реки ту самую женщину. Мгновенно раскрыв её план, милиционер, стараясь ступать по земле, чтоб не было слышно топота солдатских сапог по асфальту, побежал к девушке. Он успел схватить за плечи и повалить на землю слабое тело в самый последний момент, когда оно уже нависало над водой.

– Дура! – в сердцах закричал он, – какая же ты дура! – нервы майора не выдержали многодневной стрессовой нагрузки, и он заплакал. Плакала и мама Полины.

Глава 8. Больница

Открыв глаза, девушка вздрогнула. Прямо ей в лицо смотрела морщинистая беззубая старуха с горбатым носом, а её седые распушенные волосы касались головы молодой мамы. В первое мгновение женщина даже приняла старуху за саму костлявую Смерть, но остальные чувства вскоре вернулись к ней – она ощутила наполненный ароматами медикаментов запах больницы, увидела пыльные белые стены и осыпающийся потолок палаты. Всё это было ей знакомо. Старуха молча удалилась и девушка приподнялась на подушке. Она лежала на одной из сотни железных коек, выставленных посреди большого зала, среди которых сновали взад-вперёд пациенты и санитары. Палата сразу напомнила ей отделение милиции, где она оставила свою дочку – та же суета, каждый второй на что-то жаловался, а кого-то вели под руки мускулистые санитары. Двое таких санитаров в запятнанных халатах стояли у дверного проёма и пристально смотрели на маму Полины. Затем они отвернулись и стали говорить между собой вполголоса, но у девушки был замечательный слух.

– Как с ней поступят? В психическую?

– Да нет, она же с язвами. Отправят в лагерь, а ребёнка в интернат. По-другому никак.

Женщина тут же вспомнила о дочке. Эта мысль просто подкинула её на койке, и перед ней появилась средних лет врач в больших роговых очках и накинутой на белый халат серой кофте.

– Всё в порядке, милочка, не беспокойтесь! Вы потеряли сознание после стресса и вас доставили по назначению, к нам, в больницу. Ваша дочь рядом, в детской палате. Я врач-психиатр, буду вас наблюдать. А сейчас я вам сделаю укол от инфекции...

Медработница достала шприц, но маму Полины, проработавшую несколько лет больнице, трудно было обмануть – никогда психиатр не будет делать уколы от инфекционных болезней. Санитары у стены, как охотничьи собаки, встали в стойку, врач сделала свой укол, и когда девушка в бессилии откинулась на подушку, повернулась к ним и посетовала:

– Десять ампул осталось... Что дальше будет, я не знаю. Хотя самой тут ложись. А они всё прибывают и прибывают...

Психиатр со вздохом покинула койку девушки и направилась дальше в обход. Больная оставалась лежать неподвижно и в беспамятстве, когда высокий темноволосый мужчина с проседью на висках и в медицинском халате наклонился над её головой и долго, пристально всматривался куда-то между глаз. Вскоре он отошёл от неё, побродил среди остальных коек, как будто размышляя о чём-то, а затем направился в другие палаты. Никто из персонала не обращался к нему и ни разу не посмотрел в его сторону.

В эти дни разделение клиники на отделения было весьма условным. В переполненной больнице вместе лежали инфекционники всех мастей, ожоговые, с переломами и даже психические – те, кто поспокойнее. Заполнены были и коридоры. Медперсонала не хватало катастрофически, бесконечно переселяться больные отказывались, и потому на освободившуюся койку клали первого прибывшего. Всем уже было наплевать – и пациентам, и санитарам, и врачам. Язвами и волосатостью трудно было кого удивить, и только когда больной начинал себя вести вконец неадекватно, его направляли в тюремный лагерь. Ну, кто-то ещё успевал и умирать – так освобождались драгоценные койко-места.

Мама Полины проснулась среди ночи в обильном поту – её лихорадило и мучила жажда. Однако всплывшая в голове фраза врача: «Ваша дочка рядом, в детской палате...» – почти вернула её к жизни. Оглянувшись в полумраке ночных светильников, она осторожно слезла с кровати и, пригibasя, стала пробираться среди коек ко второй двери, у которой не было санитаря – она наверняка вела в другую палату. Шума от неё всё-равно не было бы слышно из-за периодически раздававшихся с разных сторон стонов, вздохов и тяжёлых переворачива-

ний, но девушка старалась соблюдать тишину. Дежурная медсестра в забытии склонилась над столом у выхода в коридор, и мама смогла незаметно проникнуть в соседнее помещение. Оно действительно оказалось детской палатой – небольшой и сравнительно уютной. Здесь стояла совсем другая атмосфера, царил свой мирок – маленькие нежные тела под цветными одеялами в миниатюрных кроватках сопели тихо и мирно, не тревожа друг друга, а мягкий лунный свет из окна создавал почти идиллическую картину. Прислушавшись к своему материнскому инстинкту, девушка направилась в дальний тёмный угол комнаты, мимо спящей прямо на полу медсестры, и почти достигла цели, когда неожиданно за её спиной раздался шум, и она резко присела. «Мама!» – сквозь сон захныкала Полина, и у той сжалось в комок сердце. Она чуть не бросилась к своему ребёнку, но вовремя сдержалась. Над её головой нависла чья-то тень, девушка посмотрела через плечо наверх и...

Увидела уже знакомое морщинистое лицо старухи, которая несколько часов назад будила её к жизни, но напомнила о Смерти. На этот раз появились скрученные руки пожилой женщины, она шарила ими впереди себя по воздуху в поисках опоры.

– Опять вы, бабушка, не спите! – раздался громкий шёпот за её спиной, – ну зачем ходить по палатам, сядьте, посидите!

Очнувшаяся медсестра поднялась с пола, взяла старуху за плечи и повернула к себе.

– Я есть хочу, дочка! – тихо и жалобно простонала бабушка.

– Идите к себе, я сейчас чаю принесу, – медсестра всхлипнула и повела ночную странницу обратно в палату.

Когда обе они исчезли в проёме двери, мама разбудила Полину, приложив палец к губам, взяла её на руки и на цыпочках быстро пошла к выходу в коридор. Старушка с медсестрой скрылись в глубине большого зала, санитарка у большой входной двери по-прежнему спала за своим столом, и наши герои, пройдя по длинному больничному пеналу между расставленных коек, быстро оказались возле лестничной площадки. Девушка по пути взяла какие-то вещи с вешалок между кроватями, одела пальто на себя и обернула девочку, возле выхода залезла в чьи-то резиновые сапоги и стремяглав, не держась за перила, бросилась вниз по лестнице. Боковым зрением она заметила, что какая-то тень с верхнего марша скользнула за ней, но потом девушка смотрела только вперёд. Выбежав через запасной ход на улицу, она услышала суматоху в покинутом здании, зажёгся свет, раздался топот на лестнице и забегали на втором этаже люди. Девушка бросилась через пустынную улицу, перебежала дорогу и быстро скрылась в подворотне. Миновав двор, она краем глаза опять почувствовала чью-то тень за спиной, обернулась, но погони не было. Не удивительно – кому это сейчас было надо? Разве что хозяевам похищенных второпях одежды и сапог, но они им наверняка уже не пригодятся. Безжалостная инфекция пожирала всё на своём пути и не было от неё никакого спасения. Мама и Полина спокойно направились домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.